

требования к должнику и уплачивать вознаграждения. Финансирование фактором должника названо в договоре как право фактора. Суд констатировал, что в качестве договора факторинга может быть квалифицировано обязательство кредитора уступить денежное требование фактору при отсутствии обязательства фактора произвести финансирование.

Такой вывод, однако, не согласуется с экономической стороной отношений, облакаемых в форму договора факторинга.

Экономическая сторона заемных отношений может быть изложена следующим образом: заимодавец передает в собственность заемщику определенное количество определенного имущества, чтобы через определенное время получить от заемщика то же имущество, но в большем количестве.

Таким образом, экономическая сторона договора факторинга схожа с экономической стороной договора займа.

Признаком, которому договор займа обязан своим возникновением, является разрыв во времени между первоначальным предоставлением материального объекта в определенном количестве и встречным предоставлением (возвратом полученного материального объекта, обладающего теми же свойствами, но в большем размере).

Фактор предоставляет кредитору денежные средства в меньшем размере, чем размер денежных средств, причитающихся ему от должника именно ввиду наличия между моментом полного финансирования фактором кредитора и моментом получения денежных средств от должника.

Как видим, ключевым признаком договора займа является разрыв во времени между первоначальным и встречным предоставлениями. Указанный разрыв во времени и является основанием для получения заимодавцем имущественной выгоды. Разрыв во времени между первоначальным и встречным предоставлениями является свойственным и договору факторинга.

Таким образом, договор факторинга имеет заемную правовую природу. В связи с указанным необходимо рассматривать договор факторинга в качестве вида договора займа.

Низовцов И. А.

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Низовцов Игорь Александрович, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, igornizovcow@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ландо Д. Д.

Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) содержит термин «дееспособность граждан» (ст. 20). Вопрос о наличии у юридического лица дееспособности можно отнести к разряду дискуссионных.

К. Ф. Савиньи, Б. Виндшейд, являясь сторонниками теории фикции юридического лица (радикального антропоморфизма), считали, что понятие «дееспособность» можно использовать только по отношению к физическим лицам, а юридическое лицо является вымышленным понятием и в гражданском обороте участвует через представителей – физических лиц, обладающих правоспособностью и дееспособностью. Не соглашаясь с таким подходом, считаем необходимым привести следующий пример: утрата директором организации дееспособности не влечет полной утраты способности юридического лица приобретать и осуществлять права, создавать обязанности и исполнять их.

Рассмотрим альтернативный подход, согласно которому юридическое лицо является самостоятельным субъектом, обладающим правовыми качествами личности (см., в частности, исследования Н. В. Козловой). В контексте данного подхода необходимо оценить целесообразность разграничения правоспособности и дееспособности юридических лиц, а также законодательного определения указанных понятий.

Моменты возникновения и прекращения правоспособности юридического лица определены в п. 3 ст. 45 ГК: момент создания юридического лица и момент завершения его ликвидации. Для возникновения и прекращения дееспособности указанного субъекта гражданского права имеют значение те же моменты.

Вместе с тем на уровне диссертационных исследований обосновывалось, что существуют спорные ситуации, когда для совершения определенных действий юридическому лицу необходимо согласие специальных органов управления (Е. С. Пирогова в качестве таковой называет процедуру несостоятельности (банкротство)). Такое согласие необходимо ввиду стремления государства защитить интересы контрагентов юридического лица и общества в целом. В контексте таких ситуаций возникает вопрос об объеме дееспособности юридических лиц на стадии банкротства. Уже в рамках процедуры наблюдения юридическое лицо может совершать большую часть сделок только с согласия временного управляющего, выраженного в письменной форме (ч. 7 ст. 45 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)»), чей статус в данном случае аналогичен статусу попечителя.

Проблематика ограничения дееспособности юридического лица рассматривается и в контексте применения п. 2 ст. 53 ГК. Если собственник имущества (учредители, участники) юридического лица, уполномоченный ими орган юридического лица или орган юридического лица, уполномоченный на реорганизацию его учредительными документами, не осуществляют реорганизацию юридического лица в срок, определенный в решении уполномоченного государственного органа, суд по иску указанного государственного органа назначает внешнего управляющего юридическим лицом и поручает ему осуществить реорганизацию этого юридического лица. С момента назначения внешнего управляющего к нему переходят полномочия по управлению делами юридического лица.

Необходимо отметить факт, что в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2001 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц» указано на наличие «существенного ограничения дееспособности предприятия», в частности, при необходимости получения согласия временного управляющего на совершение сделок, запрете на реорганизацию и ликвидацию должника, на создание сторонних юридических лиц, филиалов, представительств, на выплату дивидендов и размещение ценных бумаг.

Полагаем, что дееспособность безусловно присуща юридическому лицу. Однако она имеет особые сущностные характеристики:

1) не связана с физиологическими свойствами физического лица, которые могут повлиять на ее объем;

2) проявляется, как отмечает Е. С. Пирогова, лишь на некоторых стадиях существования субъекта. Если для гражданина вопрос об объеме дееспособности актуален с самого рождения, то для юридического лица указанный вопрос дееспособности может никогда не стать актуальным;

3) ограничение дееспособности юридического лица в большинстве случаев связано с ограничением правоспособности. Ограничение дееспособности гражданина не означает ограничение его правоспособности.

С учетом вышеизложенного правосубъектность юридического лица не может быть сведена к одной лишь правоспособности. Правосубъектность, являясь более широким понятием, охватывает правоспособность и дееспособность, в том числе юридического лица. Полагаем целесообразным включение термина «дееспособность юридического лица» в гл. 4 ГК.

Павлова А. П.

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ПОДРЯДА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

*Павлова Анастасия Павловна, студентка 4 курса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь,
anastasia.app@mail.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Бодяк Н. Е.

Практика привлечения субъектами хозяйствования граждан к выполнению работ по гражданско-правовым договорам получила достаточно широкое распространение. Договоры подряда заключаются как альтернатива трудовым отношениям в силу различных причин, например, отсутствия штатных единиц или краткосрочного характера работы. Поскольку одной из сторон образующегося правоотношения может выступать физическое лицо, принято считать, что оно находится в более уязвимом положении в сравнении с юридическим лицом и нуждается в специальных средствах защиты. Гражданское законодательство допускает, что такое лицо может быть несовершеннолетним, однако специальных правил не устанавливает. На